

Закир Дакенов

ЖИВИ НА ЗЕМЛЕ!..

СЫНЫ НЕВОЕВАВШИХ ОТЦОВ

Год-два до фронта не хватало
 Отцам. И только потому
 В подъезды, парки и вокзалы
 Внесли свою мы кутерьму.
 Да, мы не грызли чёрствой корки –
 Не прихватили тех морок.
 Болели мы (как раньше корью)
 Клешами, Фирсовым, Монро.
 Мужали мы в такую пору:
 Впадало в дрёму всё вокруг.
 Неизрасходованный порох! –
 Он стал причиной наших мук.
 Как мы о подвигах страдали,
 Сверхая их в тревожном сне!
 Как улыбался нам Гагарин
 Средь жёлтых фоток на стене!
 Как нам арен недоставало,
 Где б шло на бой добро со злом!..
 И тишину глухих подвалов
 Взорвал неистовый «музон».
 Взрвели дико мотоциклы,
 Летя куда-то по ночам.
 Чем становился мир сонливей,
 Тем громче тосковалось нам.
 Мир застывал. Но вещь такая
 Была вокруг, что чуть не все
 Меняя, хапая, толкая,
 Крутились белкой в колесе!
 Мы стали, может быть, жестоки
 От впечатлений тех иных.

Учителя старались. Только
 С ухмылкой слушали мы их.
 Он исчезал, тот мир, бесследно,
 Что в наших детских жил мечтах, –
 Терялся в кожаных браслетах,
 Тускнел с булавками в штанах.
 И вот брейк-данс – общенья способ,
 И рок-металл, и прочий «рок».
 Богаче сделали запросы
 Там, где богатство – не порок.
 Идут юнцы в одеждах пёстрых,
 Рождая хохот и галдёж.
 А взрослый мир им вслед плюётся:
 Мол, сволочная молодёжь!
 Мол, только шум и нету проку.
 А мы, успевши повзрослеть,
 С каких-то пор уперлись в «пробку»,
 И нам уже шумят вослед.
 Свистят всюду, как мы когда-то
 Ах, нам ли это – неужель? –
 Уже студентам и солдатам,
 И – ах – начальникам уже.
 Однако некогда нам охать.
 Добро бы вовремя понять,
 Что юность – зеркало эпохи.
 А что на зеркало пенять?

* * *

Бывает: ночь стоит глухая,
 И вдруг ракета жахнет ввысь!
 У ней короткая такая
 И расточительная жизнь.

Летит, малиновый свет сея.
Летит – ты только погляди! –
Как ослепительное сердце
Из чьей-то взорванной груди.

* * *

И послышался всплеск на реке...
Ты уже пять минут, как молчишь,
На моей задремавшей руке
Так уютно, доверчиво спишь.
Изменить ничего не могу.
Не могу... Что же я натворил?
Приоткрыты вблизи моих губ
Беззащитные губы твои.
Глядя, будто на стрелку, на бровь,
Осторожно я руку согну.
Сберегу я тебя от врагов,
От себя самого – не смогу.
Смутно смотрится мне в далеко,
Словно мчится по лугу самум...
Сберегу от любых дураков!
От себя самого – не смогу.
Вся душа полыхает, чиста.
Как же это выходит? Хоть плачь,
Что для милого мне существа
Стану враг, и дурак, и палач?..
Ну и пусть! Это будет потом...
И спасибо за эту вот тишь,
Где ты рядом со мной тихим сном
Так уютно, доверчиво спишь.

* * *

Только дрогнула чуть занавеска
На окне, где когда-то... А может
Всё вернулось, что сгибло навеки? –
Даже фикус в кастрюльке всё тот же!
Вновь люблюсь окном в белом шёлке,
Вновь в груди что-то сладко заноеет,
Ах, ещё бы – она через щёлку
Наблюдает, наверно, за мною.
Она выйдет ко мне!
По ступеням
Я в прохладу подъезда спускаюсь.
Вот звоню и звоню с нетерпеньем:
Видно, ходит за дверью, босая...

Дама с сумками, пахнув ванилью,
Проходя, обронила мне сонно:
– Молодой человек, не звоните.
Никого нет, уехали сёдня...
Долго-долго спускаюсь я... Резко
Оглянусь я... всё верно. Всё верно...
Только дрогнула чуть занавеска
От попавшего в форточку ветра.

ВЕРНИТЕ ГУЛЛИВЕРА!

Верните Гулливера!
Как было хорошо бы,
Чтобы поднялась вера
В высокое, большое...

Верните Гулливера!
Словам верните крылья,
Что высшее – есть мера
В любви, стихах, открытках!

Что высшее – есть норма!
Лишь рядом с ним заметно,
Что гномы – это гномы,
Пусть ростом по два метра.

Верните, а иначе
Не видно, кто шельмует,
И карлики, корячась,
В гиганты претендуют.

* * *

На улице с летящею листвой
Отец фотографирует ребёнка,
А сын бежит к нему по мостовой
И ручки тянет, и смеётся звонко.
На корточки присел отец его,
Закрыв лицо он фотоаппаратом,
Видна одна улыбка, но легко
Представить взгляд, где вечная отрада.
И сердце озаряется тоской,
И отчего-то вспыхивает жалость...
Остановись, мгновение! Постой!
Постой чуть-чуть –
И дальше продолжайся.

Верней, не ты. Верней, уже не ты –
 Мгновения другие на подходе,
 Как будто кадры, что ещё чисты.
 Мы жизнь увидим при любой погоде!
 Но это всё легко так засветить,
 И крик немой мне стискивает скулы:
 Пусть на ребёнка смотрит объектив,
 Не дай Господь, чтоб автомата дуло...
 Как я хотел бы всемогущим быть,
 Когда бегущим будущим люблюсь!
 Мгновенье можно так остановить,
 Что следом уж мгновения не будет.
 Я счастливый без предела,
 Заискрыю окурков в грязь...
 Завтра нужно переделать,
 Столько нужно переделать!
 Нужно мир весь переделать
 Ради света твоих глаз.

БАЛЛАДА О КОРОЛЕ-СТИХОТВОРЦЕ

Приключилось это дело
 В королевстве «Ми-фа-соль».
 Горячо и неумело
 Стал стихи писать король.

Ну, а тут бегут министры
 И, хватаясь за сердца,
 Сыплют слов тревожных искры:
 «Враг стоит у стен дворца!»

Но король кричит: «Я занят!
 Передайте, – говорит,
 – Пусть они приходят завтра,
 Дело важное горит!»

И бормочет, и бормочет
 Очень тёмные слова,
 Превращая в клочья, в клочья
 На манжетах кружева.

Ждут враги: вот-вот внезапно
 Им сюрприз преподнесут.
 Но опять же слышат: «Завтра!
 Мне сегодня недосуг!»

И в смятенье отступают.
 Рассуждая: нет, не зря
 Нас словами усыпляют...
 Факт: ударят втихаря!

А король сидит усталый,
 Вороша пустой очаг,
 Но с медовыми устами
 И величием в очах.

В СЕРДЦАХ

Хоть назови всё это вздором,
 Но факт, увы, неумолим:
 На фотографии с другим
 Ты улыбаешься задорно.

Что ж, улыбайся мне из мести,
 А я вот ножницы возьму.
 Чик-чик! И вы по одному.
 Чик-чик! И вы уже не вместе!

Так всё решится взмахом стали.
 Я стану вашею судьбой!
 Тебя поставлю пред собой
 И на себя смотреть заставлю.

Как хорошо, клянусь всем светом,
 Что вас могу я разлучить!..
 Но только плохо, хоть кричи,
 Вы не узнаете об этом.

В БОЛЬНИЦЕ

Тишь. Покой. Говорить бы! Да не с кем.
 Тянет светом большим от окна...
 Ах, сестра! Ты откинь занавески,
 Там, наверно, настала весна.
 Хлынет свет и захватит дыханье.
 И глаза посветлеют, как миг...
 ... А напротив, пришедший в сознание,
 Тихо плачет сквозь кашель старик.
 Из весны уходить – ах, как трудно!
 Уцепилась за простынь рука.
 ... И лежу я – отчаянно юный,
 И нельзя мне вставать лишь пока.

КРЫЛЬЯ

Ты чувствуешь: что-то неладно? –
 Пустынное небо окинь, –
 Там птицу вот-вот безвозвратно
 Поглотит кипящая синь.

Она, высоту набирая,
 Попалась жестоким ветрам...
 И вверх я тянусь, замирая:
 Та птица, быть может, я сам?

Да полно! Не выпало время,
 И крыльям расти и расти...
 Но раз уже брошено семя,
 Ростку непременно – взойти.

Однажды придёт, и, взлетая,
 Врифмуюсь в небесную звень!
 И только вздохну, провожая
 К земле устремлённую тень.

КОРНИ

Село называется Корни.
 Без всяких пожаров, невзгод
 Оно умирает покорно,
 Как влагу, теряя народ.
 Уходят отсюда. Уходят!
 Штакетники падают ниц,
 Дворы зарастают, и – холод
 В провалах огромных глазниц.
 Здесь детство моё прокатилось,
 Как обруч, гонимый рукой!
 Но память уж больше не в силах
 Показывать сон дорогой.
 Тот воздух хватаю, как рыба.
 Как будто вся в дырочках грудь!
 Нельзя ли поделатъ что-либо
 И Корни спасти как-нибудь?
 И мне отвечают учтиво,
 Бумагами в тон шелестя:
 – В том нет никакой перспективы,
 Поделатъ что-либо нельзя.
 Да, жалко Пизанскую башню,
 Да, жалко «Титаник» на дне;

Но эта потеря... Как страшно
 Остаться без главного мне!
 Подобно качнувшейся кроне,
 Живой и цветущей на вид,
 Болят у которой не корни,
 А место пустое болит.

* * *

И вышел я в город, где ветер неистовый
 Нёс облако пыли и шляпы с голов
 Бегущих за ними прохожих, на лицах
 Которых чернели кружочки очков.
 Прошляпав свои головные уборы,
 Неслись они, пряча пустые глаза,
 В одном направленьи за целью убогой...
 Тип, рядом стоящий, мне что-то сказал.
 Но ветра удар был особо отчаян,
 И с плеч у него сорвалась голова
 И вдаль покатила со стуком кочанным,
 И клацали зубы, съедая слова...
 Я видел, как тело летело по городу.
 Видать, дорожил головой своей жлоб!
 И прежде чем снова надеть свою голову,
 Он тёр рукавом перемазанный лоб.
 ...Я вышел из детства
 И шёл, как по лучику.
 На всё, что творилось, что видел вокруг,
 Мне было плевать,
 Как и многим попутчикам...
 А лучик, мой лучик рассеялся вдруг.
 И дальше пошёл я. Кругом были знаки.
 И больше запретных... А ветер всё злей!
 О, я их усвоил. Теперь-то уж знаю:
 Витай в небесах, но живи на земле!

ЧАБАН

Отара у воды ложится.
 Устало солнце полыхать.
 Седой чабан в потёртых джинсах,
 В сыновних, надо полагать.
 Его лошадка неказиста,
 Но восседает он, как хан!
 А на груди висит транзистор,
 Спят звуки в нём далёких стран.

Не знали встарь такого шика.
 Век удивительный настал!
 А всё же жизнь промчалась быстро,
 А всё ж душа болит мал-мал!..
 Эх, что-то загрузили овцы!
 Покрутит ручку – все дела,
 Транзистор музыкой взорвётся,
 Старик отпрянет: «Вахалла!..»
 Качает белой головою
 И, кончик уса закусив,
 В гуденье, бульканье и вое
 Всё ищет он родной мотив.

Что уж так весело чёрту?
 Душу ли чью загубил?
 В бешеной гуще завиты
 Белых бумажек клочки,
 Лица ль знакомые чьи-то? –
 Кто разберётся тут – чьи...
 Мимо завалинки нашей,
 Мимо дряхлеющих лип
 С шумом проносится страшным,
 Как бы скрывает свой лик.
 Где он? Опять остаётся
 То же, что было уже:
 Белая улица. Солнце.
 Сумрак и скука в душе.

МЧИТСЯ, ДО НЕБА КЛУБИТСЯ...

Белая улица. Солнце.
 Куры под зонтиком крыл...
 Вдруг на глазах у колодца
 Вихрем закрутится пыль!
 Звонко ведро кувыркнётся,
 Грянет набатом – беда!
 В землю собака уткнётся.
 Кинутся куры бежать.
 Прах в небесах закружится,
 Высей преграды сломав...
 «Это шайтан веселится», –
 Помню я с детства слова.
 Ах, до чего же он чёрный!
 Хохотом, хохотом – пыль.

БАБУШКИНЫ СПИЧКИ

В бабьин дом, в каморке,
 Где от прохлады знобит,
 Ящик огромный картонный
 Спичками густо набит.
 В стиранных шортиках – сыщик! –
 Лоб напрягая, стою.
 – А почему столько спичек? –
 К бабушке я пристаю.
 Тихо мой чуб она треплет.
 – Надо! – в раздумье твердит...
 В нынешний день с табуретки
 Зорко сквозь годы глядит.

